

Алексей ДОЛГОЛЮК, Наталья МАРКДОРФ

ВОЕННОПЛЕННЫЕ НА СИБИРСКИХ СТРОЙКАХ (1943–1950 гг.)*

В статье охарактеризована сеть лагерей для военнопленных и интернированных, существовавшая в Сибири в 1943–1950 гг., определена численность их обитателей; показана сфера приложения подневольного труда в капитальном строительстве в разрезе отдельных отраслей экономики; рассмотрены взаимоотношения военнопленных с советскими гражданами и хозяйственными руководителями в ходе производственной деятельности; исследован процесс организации, условия и эффективность трудового использования бывших вражеских военнослужащих и экономические результаты хозяйственной деятельности лагерей; проанализированы методы стимулирования трудовой активности, показаны достижения передовиков производства.

Ключевые слова: иностранные военнопленные, капитальное строительство, принудительный труд, производительность и организация труда, Сибирь

В годы Второй мировой войны экономика Советского Союза испытывала сильный дефицит трудовых ресурсов. Людские потери понесли все республики и районы страны. Так, например, Сибирь за четыре года потеряла практически каждого десятого жителя. В условиях дефицита рабочих рук в экономике были задействованы различные «спецконтингенты», среди которых особое место занимали военнопленные иностранных армий. Если до 1943 г. численность их было незначительной, то затем она стала быстро возрастать. Приток военнопленных в различные районы СССР, в т.ч. и в Сибирь, особенно усилился после капитуляции немецкой, а затем японской армий. К концу 1945 г. в распоряжении Главного управления по делам военнопленных и интернированных оказались огромные массы военнопленных, которые были распределены по многим районам страны. Лагерная сеть покрыла всю Сибирь. По нашим подсчетам, с 1943 по 1949 г. в 21 сибирский лагерь и в 16 отдельных рабочих батальонов было направлено около 235 тыс. военнопленных и

*Статья подготовлена при поддержке интеграционного междисциплинарного проекта Президиума СО РАН № 67.

интернированных¹. Среди них оказались участники строевых воинских формирований вермахта, бывшие эмигранты, которые по документам НКВД назывались «власовцами».

Сфера приложения подневольного труда

Советские власти видели в военнопленных прежде всего дешевую рабочую силу. Своим трудом они должны были способствовать восстановлению подорванного войной народного хозяйства. Важной задачей лагерей было сохранение вверенной им «рабочей силы» и использование ее таким образом, чтобы возместить расходы на содержание в лагере и, кроме того, — принести доход государству.

Основная часть пленных использовалась в промышленности и в капитальном строительстве, причем чаще всего лагеря одновременно направляли работников в обе эти отрасли. В 1946—1948 гг. в целом по СССР среднесписочная численность военнопленных, занятых в строительной отрасли, составила 480 тыс. чел. Это количество составляло 47,2% от общего «трудового фонда» лагерей². Однако нужно учитывать, что из лаготделений, созданных при промышленных предприятиях, многие направлялись на строительные работы. Поэтому общая доля трудозатрат, приходящихся на строительно-монтажные работы, составляла около двух третей. Аналогичные цифры наблюдались и в Сибири. В этом регионе в военный период и в первую послевоенную пятилетку резко возросли объемы инвестиционной деятельности. Чтобы реализовать плановые задания, требовалось значительно увеличить численность работников строительных организаций. Практически все лагеря в той или иной мере направляли военнопленных и интернированных на стройки.

В Западной Сибири располагалось 8 лагерей. Крупнейший из них — лагерь № 525, дислоцировавшийся на юге Кузбасса, 11 из 25 имеющихся в нем отделений разместил при крупных строительных подразделениях всесоюзного значения — при трестах «Кузнецкшахтострой», «Кузбассшахтострой», «Военстрой», «Кузнецктяжстрой», «Кемеровотяжстрой», «Сталинскпромстрой», «Востокжилстрой», «Кузбасспромстройматериал», при строительном управлении «Сибстройпуть», а также при строительной конторе «Кузнецкого металлургического комбината» им. Сталина. Другой лагерь — № 526, также дислоцировавшийся в Кузбассе, организовал отделения при тресте «Дорожное строительство», а также при строительном тресте № 25 Наркомстроя СССР, ведущим строительство крупного Юргинского машиностроительного завода, и направлял военнопленных на работы в другие строительные организации. В Алтайском крае лагеря № 36, № 128 и № 511 обеспечивали кадрами строительные тресты № 5, № 15, «Стройгаз», осуществлявшие промышленное строительство в Рубцовске,

¹ См.: Букин С.С., Долголюк А.А. Формирование лагерей военнопленных и интернированных в Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2000. № 2. С. 49—53.

² См.: Сидоров С.Г. Труд военнопленных в СССР, 1939—1956 гг. Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2001. С. 405.

Барнауле и Бийске, трест «Стройпуть», ведущий сооружение железной дороги Барнаул — Сталинск, а также трест «Алтайстрой», специализировавшийся на гражданском строительстве. Из новосибирского лагеря № 199 поставлялись работники на такие крупные новостройки, как завод «Тяжстанкогидропресс», хлопчатобумажный комбинат, в тресты № 7, «Сибстанкострой» и «Стройпуть».

Капитальное строительство Восточной Сибири являлось основной отраслью применения труда пленных. В конце 1946 г. бывшие японские военнослужащие появились в большинстве крупных трестов этого региона. На строительных работах специализировался самый крупный сибирский лагерь № 7. Он был передан в хозяйственное руководство «Тайшетстрою» Главного управления лагерей железнодорожного строительства МВД СССР, который вел строительство железной дороги Тайшет — Братск. Военнопленные были рассредоточены вдоль трассы с 5 по 258 км в пятидесяти лагерных отделениях. Кроме этой стройки военнопленные, дислоцированные в этом регионе, трудились на сооружении железнодорожной ветки от Свирска до станции Макарьево, а также дороги Иркутск — Слюдянка. По данным отдела по использованию военнопленных Иркутского управления МВД, в начале 1946 г. численность бывших японских военнослужащих составляла немногим более 50 тыс. чел.³

Транспортное строительство также стало одной из основных сфер приложения труда военнопленных и интернированных. Кроме Иркутской области они трудились на сооружении железных дорог в Алтайском и Красноярском краях, в Бурят-Монгольской АССР.

Труд военнопленных в качестве строителей широко использовался и в *промышленном строительстве* — при возведении и реконструкции таких крупных заводов, как Сталинский (Новокузнецкий) алюминиевый, Алтайский тракторный, «Алтайсельмаш», заводы № 17 и № 77 в Барнауле, № 18 в Черногорске, стрелочный, инструментальный им. Воскова, «Тяжстанкогидропресс» в Новосибирске, Иркутский тяжелого машиностроения им. Куйбышева, Красноярский и Улан-Удэнский паровозостроительные, Новосибирский и Улан-Удэнский авиационные и на многих других промышленных предприятиях, включая угольные шахты.

Трудовые ресурсы из контингента военнопленных направлялись и на объекты *гражданского строительства*. Практически все сибирские лагеря занимались сооружением жилья. Только в Новосибирске ими было сдано в эксплуатацию 40,7 тыс. кв. м жилплощади. В числе особо важных заданий, выполнение которых было возложено на «спецконтингент», оказалось возведение комфортабельного жилого дома для сотрудников аппарата обкома ВКП(б). Военнопленные лагеря № 34 построили в Красноярском крае 273 дома общей площадью 48,3 тыс. кв. м⁴.

Еще одной сферой приложения труда военнопленных стало *социально-культурное строительство*. Они привлекались к сооружению

³ См.: Кузнецов С.И. Японцы в сибирском плену (1945–1956). Иркутск: Издательство журнала «Сибирь». 1997. С. 97–98.

⁴ См.: Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 79. Л. 51; Д. 170. Л. 19.

зданий, которые до сих пор определяют лицо многих сибирских городов. Среди них такие известные архитектурные объекты, как музыкально-драматический национальный театр (ныне театр оперы и балета) и здание педагогического института в Улан-Удэ, здание Западно-Сибирского филиала академии наук в Новосибирске. Весом вклад военнопленных в *развитие коммунального хозяйства городов* — в прокладку канализационных и водопроводных сетей, благоустройство населенных пунктов. Только в Красноярске и Иркутске их силами заасфальтировано соответственно 50 и 150 тыс. кв. м улиц и тротуаров⁵. При этом можно отметить, что в последнем из двух этих городов японцами было положено самое первое асфальтовое покрытие на улице Карла Маркса — одной из центральных в городе. Весьма значителен вклад пленных в прокладку трамвайных путей в Иркутске, Сталинске (Новокузнецке), Кемерово, Барнауле.

В лагерях, базирующихся в городах, сфера приложения труда военнопленных была более широкой, чем в тех, которые дислоцировались вне больших населенных пунктов. Военнопленные были заняты и в производственном, и в социальном строительстве, выполняя при этом самые разные виды работ. В тех же лагерях, которые использовались в дорожном строительстве, наоборот, большая часть людей была занята в основном тяжелым физическим трудом. Основная масса выполняла земляные работы. Вторым по трудоемкости видом работ являлась заготовка леса для сооружаемого объекта.

Трудовое взаимодействие с советскими гражданами и хозяйственными руководителями

Часто военнопленные и интернированные на стройках работали рядом с вольнонаемными. На одних стройках пленные рассматривались в качестве подсобной рабочей силы и занимали сравнительно невысокий удельный вес в общей численности рабочих; на других — их доля была высокой. Так, в 1947 г. в трестах «Кемеровотяжстрой» и «Алтайстрой» доля военнопленных составляла 30% от общей численности строителей, в тресте «Красноярскпромстрой» — около третьей части персонала, в трестах «Иркутскстрой» и «Дорстрой» Красноярской железной дороги их удельный вес превышал две трети, а в тресте «Бурмонголстрой» — достигала 85%⁶. В целом по Западной Сибири в 1946 г. доля военнопленных в общей численности рабочих и служащих составляла 3,6%, а в Восточной Сибири — 13,8%⁷.

Несмотря на содержащиеся в приказах НКВД запреты на общение советских граждан с иностранцами, между ними, даже при наличии языковых барьеров, все же устанавливались контакты, причем не только производственные. Кадровые строители делились с военнопленными

⁵ См.: там же. Д. 76, Л. 65; Д. 79. Л. 52.

⁶ См.: РГВА. Ф. 1п. Оп. 10и. Д. 1. Л. 140; Оп 15а. Д. 79. Л. 18; Базаров О.Д. «Сибирское интернирование»: японские военнопленные в Бурятии (1945–1948 гг.). Улан-Удэ: ВСГАКИ, 1997. С. 56.

⁷ См.: Сидоров С.Г. Указ. соч. С. 207.

продуктами питания, табаком. Случалось и обратное, когда во время обеденных перерывов военнопленные, например японские, угощали русских рабочих пищей, приготовленной по национальным рецептам.

Нередко рядом с пленными оказывались представители других категорий «спецконтингентов». В этом отношении самым ярким примером является строительство железных дорог в Восточной Сибири. В конце 1947 г. на сооружение пути от Братска до Усть-Кута администрация 7-го лагеря направила в распоряжение Ангарлага 11,8 тыс. чел. Рядом с ними трудилось 24,4 тыс. советских заключенных и всего лишь 3,4 тыс. вольнонаемных (8,6%)⁸.

Отношение хозяйственных руководителей к иностранной «рабочей силе» поначалу было отрицательным. Однако со временем многие меняли свое мнение о ней. Во многом такая перемена взглядов была связана с тем, что альтернативой использованию труда военнопленных часто был труд заключенных. В использовании труда этих «спецконтингентов» имела своя специфика, также требовавшая дополнительной подготовки строительной площадки к приему таких рабочих.

Хозяйственные и партийные руководители, местные органы внутренних дел часто переводили военнопленных и интернированных с одних объектов работ на другие. В связи с этим подневольный контингент зачастую становился предметом спора руководителей предприятий и организаций за право их использования на своих объектах. Причем часто иностранным рабочим отдавалось предпочтение перед заключенными. Например, в феврале 1946 г. начальник Новосибирскпромстроя Н. Обухов апеллировал к первому секретарю Новосибирского обкома ВКП(б) М.В. Кулагину с просьбой вмешаться и дать распоряжение начальнику управления НКВД по НСО генерал-майору Ф.П. Петровскому изменить распределение военнопленных по хозяйствующим субъектам в пользу его организации. В качестве основного аргумента выдвигались финансовые потери треста. Руководитель констатировал, что из 2360 пленных, размещенных в первом лагерном отделении, только 500 выделяются в распоряжение треста, который ранее понес двухмиллионные расходы по обустройству зоны, в которой содержались иностранные работники⁹. Этот случай был типичным. В ответ на многочисленные жалобы предприятий и трестов Главное управление по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) в июле 1946 г. запретило перевод любого количества пленных с одних хозяйствующих субъектов на другие без предварительного согласования с вышестоящим руководством¹⁰.

Режим, организация и условия труда

Одной из важных задач руководства лагерей являлось поддержание трудоспособности вверенного им контингента на высоком уровне. Одним из основных путей достижения этой задачи стало соблюдение установ-

⁸ См.: Кузнецов С.И. Указ. соч. С. 100.

⁹ См.: Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. 4 п. Оп. 10. Д. 447. Л. 5–6.

¹⁰ См.: Сидоров С.Г. Указ. соч. С. 214.

ленного для невольников режима труда. В соответствии с приказами и директивами НКВД (МВД) и «Положением о трудовом использовании военнопленных» их рабочий день не должен был превышать 8 часов. Вне зависимости от уровня трудоспособности все имели право на 4 выходных дня в месяц. Лагерная администрация стремилась к тому, чтобы фактическое время работы подневольных рабочих было близким к установленному нормативными актами, особенно в зимнее время. Например, в ноябре 1944 г. с наступлением двадцатиградусных морозов был прекращен вывод военнопленных лагеря № 199 на наружные работы, проводившиеся в Новосибирске трестом «Сибстанкострой», хотя они были полностью обеспечены теплой одеждой и валенками. Русские же продолжали трудиться в прежнем режиме¹¹.

Если руководители предприятий истроек стремились получить как можно больше военнопленных, удлинить их рабочий день, то управление лагеря прилагало усилия по выполнению инструкций НКВД о трудовом использовании узников. Однако выдерживать это редко удавалось. Строительные организации по возможности старались увеличить время использования пленных, чтобы за счет дешевой рабочей силы решить производственные проблемы. К тому же и от администрации лагерей ГУПВИ требовало выводить на хозяйственные работы как можно больше людей. По этому показателю также оценивалась деятельность лагерей. На практике на работы направлялось от 60 до 90% общей численности, способных участвовать в производственной деятельности.

В начальные периоды функционирования лагерей, пока еще должным образом не были отлажены хозяйственные связи с предприятиями и стройками, трудовой потенциал военнопленных использовался слабо. Среди пленных было относительно немного тех, кто имел строительные профессии, а потому прорабы и мастера мало заботились об эффективной организации труда невольников. Их слабое здоровье также влияло на отношение хозяйственников к ним. К тому же для наблюдения за «спецконтингентом» требовались охранники, которые никакой созидательной работы вообще не выполняли. По всем этим причинам на рубеже 1945–1946 гг. руководству лагерей № 33 и № 525 удавалось направлять на внешние работы не более трети от общей численности «трудового фонда»¹². Заметно повысить эти показатели и эффективность труда пленных удалось лишь к 1948 г.

В отдельных случаях сказывались специфика производства и сложившийся в военное время трудовой распорядок. Часто практиковался увеличенный рабочий день для отдельных людей и целых бригад — это было своеобразным наказанием за недостаточно производительный труд. Эта мера широко практиковалась, например, при отсыпке железнодорожного полотна на трассе Тайшет — Братск, где продолжительность рабочего дня часто превышала 10 часов¹³.

Хозяйственные организации подавали заявки на выделение им для работы военнопленных и интернированных с большим запасом,

¹¹ См.: Букин С.С. Военнопленные в Новосибирске. Исторический очерк и документальная коллекция. Новосибирск: Наука-Центр, 2005. С. 32.

¹² См.: РГВА Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 352. Л. 62; Оп. 17. Д. 4. Л. 44.

¹³ См.: Кузнецов С.И. Указ. соч. С. 80.

как правило, без опоры на какие-либо расчеты необходимой рабочей силы. Когда людей привозили на строительные площадки, то часто их труд не могли нормально организовать. Длительные простои вызывали неподготовленность фронта работ, задержки с транспортировкой. Так, в ноябре 1945 г. начальник лагеря № 199 в письме, направленном в обком ВКП(б), критиковал руководство строительного треста № 7 наркомата авиационной промышленности. Из-за несвоевременного предоставления автомашин и трамваев военнопленные завозились на стройки с опозданием на 2–4 часа. Плохая организация труда вызывала большие простои на строительстве городского водопровода. Лагерная администрация была также недовольна тем, что работавшие здесь военнопленные не имели помещений для обогрева и разжигали костры прямо в траншее. Плохая организация труда была характерна для организаций, занятых сооружением дорог. По мнению руководителей лагеря № 7, строительство железной дороги Тайшет – Братск примерно на треть было перенасыщено рабочей силой¹⁴. Это резко снижало показатели трудового использования японских военнопленных. Руководители принимающих организаций очень часто не могли рационально организовать труд. Относительно низкую его эффективность они объясняли нежеланием и неумением пленных работать. Положенные работающим выходные дни не всегда предоставлялись, как и возможность реализовать право на восьмичасовой сон. Нарушение режима труда и отдыха негативно сказывалось на физическом состоянии невольников.

Спецификой труда строителей является работа в основном под открытым небом, под дождем и снегом. В Сибири природно-климатические условия более суровые, чем в европейской части страны. Иностранные военнопленные и интернированные, родившиеся и выросшие в более теплых краях, плохо акклиматизировались в новом для них регионе, поэтому часто болели. Направляемым на работу в строительные организации часто приходилось выполнять тяжелый ручной труд. Пожалуй, самые сложные условия производственной деятельности оказались у занятых на строительстве дорог, особенно в зимнее время. Согласно действовавшим нормативам вывод на работы должен был производиться только при обеспечении теплым обмундированием и обувью. Объекты работ следовало обеспечивать обогревалками, которыми военнопленные могли бы пользоваться в течение 10–15 мин. через каждые 2 часа. В действительности эти требования выдерживались далеко не всегда. В лесу и на отсыпке железнодорожного полотна обогрев чаще всего осуществлялся у костров. Более того, этот же способ использовался даже в городских условиях. Так, в Новосибирске военнопленные, работавшие на строительстве водопровода, обогревались у костров, разложенных прямо в траншеях¹⁵.

Необходимым условием нормальной организации производственного процесса всегда является обеспечение строителей спецодеждой, а в зимнее время теплой ватной или меховой одеждой и валенками. В редких случаях немецкие и японские военнопленные получали такое

¹⁴ См.: РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 7. Л. 49–51.

¹⁵ См.: ГАНО. Ф. 4п. Оп. 34. Д. 195. Л. 155.

обмундирование. В дефиците были и рукавицы. Руководство лагерей часто предъявляло претензии хозяйственным организациям из-за нерегулярной и неполной выдачи спецодежды. На практике было так, что обмундирование и обувь, в которых военнопленные поступали в лагеря, использовались одновременно и как рабочая одежда. Они быстро изнашивались и приходили в негодность. После ремонта, выполняемого с использованием списанной утильной одежды, такое обмундирование могло находиться в носке не более 1–3 месяцев. Во многом по причине недостатка зимней одежды снижалась производительность труда, увеличивалась численность освобождавшихся от работы по болезни. Вопрос обеспеченности спецодеждой руководство лагерей часто увязывало с выводом контингента на работы. Поэтому хозяйственные органы были вынуждены решать эти проблемы, которые начиная с зимы 1946–1947 гг. утратили свою остроту.

Мало внимания уделялось технике безопасности. Все информационные надписи, предупреждающие об опасности, выполнялись на русском языке. Поэтому военнопленные оказывались в еще худшем положении, чем кадровые работники. Например, в цехах и на строительных объектах Барнаула, на которых работали военнопленные лагеря № 128, не хватало не только ограждений опасных участков, но не было и надписей на японском языке. Это приводило к повышенному травматизму среди военнопленных. Только за два первых месяца их использования произошло два случая со смертельным исходом. Травматизм стал обычным явлением. Во многих лагерях в первые годы их существования его даже не учитывали, а более поздняя фиксация открыла удручающую картину. Так, за 1947–1949 гг. в лагере № 525 на стройках и в шахтах произошло 4640 несчастных случаев, в т.ч. 884 тяжелых и 58 со смертельным исходом. Потери от травматизма составили 46 тыс. человекодней¹⁶. Кстати, заметим, что проведенная в этом лагере проверка выявила более высокий уровень заболеваемости у занятых на открытых строительных работах, чем среди военнопленных-шахтеров.

Производительность труда и методы его стимулирования

Всякий подневольный труд малоэффективен. Хозяйственное использование военнопленных и интернированных в Сибири лишний раз подтвердило этот вывод. Особенно низкие показатели выполнения установленных норм наблюдались в первые месяцы функционирования лагерей вне зависимости от того, когда они организовывались. Очень высокой доля пленных с низкой выработкой была в тюменском лагере № 93 в 1943 г., в новосибирском лагере № 199 в 1944 г. В начале 1946 г. ни один из сибирских лагерей для военнослужащих японской армии не выполнил установленного плана по производительности труда. Во многом это объяснялось «низкими физическими кондициями содержащегося в лагерях контингента», неприспособленности его к работам в условиях сибирских морозов, а также нежеланием обычно трудолюбивых

¹⁶ См.: РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 11. Л. 27; Д. 12. Л. 302; Д. 352. Л. 67.

немцев и японцев работать в неволе. Особенно низким уровень производительности труда военнопленных оказался в красноярском лагере № 33 – 62%, в лагере № 526 (Кемеровская область) – 68%, в лагере № 511 (Алтайский край) – 75% и в лагере № 7 (Иркутская область) – 32%. Последний не подготовился не только к приему военнопленных, но и к тому, чтобы обеспечить их трудовое использование¹⁷.

В течение года повсеместно принимались меры по более эффективному трудовому использованию спецконтингента. И в целом это удалось сделать. Во многих лагерях произошли кардинальные перемены. Например, в 34-м лагере (Красноярский край) удельный вес невыполняющих нормы выработки за год сократился в 11 раз. В 1946 г. лишь один из 20 военнопленных не справился с плановыми заданиями¹⁸. Из всех обитателей лагерей больше всех нежелание хорошо работать демонстрировали «власовцы». Поэтому те отделения 525-го лагеря, в которых содержались бывшие соотечественники, оказывались в числе наиболее отстающих по экономическим показателям. Тяжелое психологическое состояние, в которое попали эти люди, в сочетании с явным стремлением администрации лагерей и хозяйственных организаций направить их на самые тяжелые работы отрицательно сказывались на здоровье «власовцев» и эффективности их труда.

К концу 1946 г. многие сибирские лагеря вышли на установленные НКВД СССР средние показатели выработки на одного человека в день. Она составляла от 14 до 20 руб. В среднем по лагерям СССР этот показатель равнялся 12 руб. 78 коп. Исключением вновь стал лагерь № 7, в котором выработка достигла всего 8 руб. на человека¹⁹. Руководители лагеря приводили массу причин для оправдания такого положения. Однако основной была чрезвычайно примитивная механизация на земляных и лесозаготовительных работах или ее полное отсутствие. Например, трелевка леса на расстояние до 4 км производилась вручную. На объектах работ военнопленными руководили технически неподготовленные десятники и прорабы, которые не могли правильно организовать и использовать рабочую силу. Лишь к моменту ликвидации лагеря в 1949 г. доля лиц, не выполняющих нормы выработки, сократилась до 7% от общей численности работающих²⁰.

Была разработана и применялась на практике целая *система мер по повышению результативности трудовой деятельности* военнопленных и интернированных. Руководителям ГУПВИ и администрации лагерей удалось практически полностью сломить массовый саботаж и отказ бывших военнослужащих вражеских армий от работы. Во время войны такое случалось довольно часто. Теперь военнопленные были поставлены в такие условия, когда их относительное благополучие и даже жизнь зависели от того, как они трудились. Для тех, кто не выполнял нормы выработки, мог быть продлен рабочий день, объявлен выговор, наложен арест от 10 до 20 суток. Они лишались права переписки с родственни-

¹⁷ См.: РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 11. Л. 21; Д. 43. Л. 7; Д. 10. Л. 7; Д. 170. Л. 7; Д. 347. Л. 7.

¹⁸ См.: РГВА. Ф. 1п. Оп. 17а. Д. 4. Л. 258.

¹⁹ См.: РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 20. Л. 50.

²⁰ См.: РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 76. Л. 50–51; ГАНИИО. Ф. 4765. Оп. 1. Д. 80. Л. 41–42.

ками, пользоваться деньгами, переводились в штрафное подразделение с 12-часовым режимом работы на срок до трех месяцев. Злостные саботажники предавались суду военного трибунала.

Одним из главных стимулов к труду являлось дополнительное питание для выполняющих нормы выработки. Применялись и другие меры поощрения, такие как выплата дополнительных денежных средств, первоочередная продажа табака и мыла, размещение в более благоустроенных бараках.

Уже с 1945 г. началась частичная репатриация бывших солдат противника на родину. Вывозились представители тех государств, с которыми СССР в первые послевоенные годы стремился улучшить межгосударственные отношения. Япония и Германия в их число не входили. В эти страны отправлялись лишь больные. При этом в обмен на них завозились здоровые интернированные лица немецкой национальности, а также японцы из Кореи. Освободившись от больных и ослабленных людей, администрациям лагерей удалось повысить производительность труда. В последующие годы *репатриация стала стимулом для лучшей работы пленных*, что особенно ярко проявилось в 1948 и 1949 гг. Руководство лагерей объявляло, что в первую очередь на родину будут отправляться передовики производства.

«Ударники» принудительного труда

Росту производительности труда должно было служить *организуемое среди военнопленных трудовое соревнование*. Оно проводилось по аналогии с социалистическим соревнованием на промышленных предприятиях и стройках. Роль партийных и профсоюзных органов среди военнопленных выполняли антифашистские комитеты и лагерная администрация. Они пытались опираться на те же положения и принципы, которые существовали при организации социалистического соревнования. От администрации, по аналогии с широко практикуемой в послевоенные годы системой «ударничества», требовали выявлять лучшие бригады и передовиков среди военнопленных, популяризировать их опыт, вывешивать доски с производственными показателями, поощрять передовиков, создавать для них более благоприятные жилищно-бытовые условия, обеспечивать лучшим обмундированием и дополнительным питанием, выдавать дополнительные денежные суммы. В основе организации соревнования лежало советское нормирование и плановые количественные показатели. Главной опорой администрации в организации трудового соревнования, в укреплении дисциплины, в улучшении производственных показателей являлись антифашисты, которые вместе с другими работали в производственных бригадах. В некоторых лагерях, в частности в 34-м, базировавшемся в Красноярском крае, были учреждены переходящие красные знамена, которые передавались в зависимости от итогов работы за месяц или за неделю.

Формализм, присущий социалистическому соревнованию, при организации его аналога среди пленных принимал еще более непривлекательные, а порой циничные формы. Бывшие вражеские воен-

нослужащие, дававшие присягу своему правительству, принуждались участвовать в мероприятиях, посвященных очередным годовщинам Советской Армии, революционным праздникам, памяти Ленина и т.п. Администрация лагеря и политактив систематически подводили итоги трудового соперничества, определяли победителей с указанием достижений. Лучшим бригадам присваивались имена Карла Либкнехта, Эрнста Тельмана и др. При этом следует отметить, что результаты часто действительно оказывались впечатляющими: некоторые бригады и отдельные военнопленные выполняли нормы выработки от 200 до 400%.

Лагерные администрации устраивали своеобразные состязания по выращиванию собственных «стахановцев», которые должны были служить примером для других. В новосибирском 199-м лагере образцы высокопроизводительного труда обычно увязывали с какими-либо датами. Так, бывший немецкий солдат Ревих в день 66-летия И.В. Сталина, 21 декабря 1945 г., встал на стахановскую вахту и за 4 часа оштукатурил 38 кв. м потолка и 43 кв. м стен, перевыполнив норму в 10 раз. Через 6 дней этот своеобразный рекорд при тщательной предварительной подготовке побил другой «стахановец» — военнопленный Альфонс Рех. Он выполнил 16 норм, оштукатурил за 3 часа 40 кв. м потолка и 56 кв. м стен²¹.

Отношение соратников к таким достижениям было неоднозначным. Одни, прежде всего политические активисты, приветствовали такое отношение к работе. Другие воспринимали «ударников» с насмешками, иронией и осуждением. Со временем, правда, отношение к подобным достижениям и их исполнителям менялось. Меры материального, а иногда и морального стимулирования изменяли менталитет людей. Практически всем становилось очевидным, что хороший труд способствует относительному материальному благополучию. Лучшее питание и бытовые условия давали людям больше шансов сохранить здоровье, а также быстрее вернуться на родину. Поневоле, хотя бы формально, все большая часть военнопленных оказывалась вовлеченной в подобное «состязание».

В соответствии с директивами вышестоящих органов руководители лагерей должны были обеспечивать «широкий охват» военнопленных соревнованием, что они с успехом и делали. Так, в Западном управлении строительства БАМа (лагерь № 7) в 1947 г. все военнопленные, как и заключенные, были охвачены трудовым соревнованием. В другом восточносибирском лагере № 34 в начале того же года в соревновании участвовало 58% бригад, а через год в него вовлекли всех выходящих на хозяйственные работы²². Все это способствовало постепенному росту производительности труда обитателей сибирских лагерей.

В некоторых лагерях внедрялись свои собственные виды производственной активности военнопленных. Так, в лагере № 525 по инициативе начальника политотдела был проведен «Геннековский декадник», по окончании которого победители этого соревнования «удостоились

²¹ См.: Букин С.С. Указ. соч. С. 32.

²² См.: РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а, Д. 79. Л. 48; Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 4765. Оп. 1. Д. 80. Л. 41–42.

высокой чести» поставить свои подписи под рапортом, адресованном тов. Адольфу Геннеке — своеобразному восточногерманскому двойнику советского передовика-рекордиста забойщика Алексея Стаханова²³.

Слабая механизация и недочеты в организации производственного процесса снижали производительность и оплату труда. В принятых в 1945 г. постановлениях Государственного комитета обороны и в «Положении о трудовом использовании военнопленных» были предусмотрены меры, призванные повысить стимулирующую роль заработной платы. Военнопленные получили возможность получать денежное вознаграждение за свой труд. Однако оно составляло незначительную часть от заработной платы и выплачивалось лишь выполнявшим нормы выработки. Его размер зависел от процента перевыполнения норм, условий труда, вида выполняемых работ, занимаемой должности. Стимулирующая роль зарплаты поднялась после проведения денежной реформы и отмены карточной системы в декабре 1947 г. В лагерях увеличилось количество ларьков, в которых военнопленные за свои деньги могли покупать товары, правда, очень скромного ассортимента — табак, мыло, некоторые продукты питания. Размеры денежного вознаграждения постепенно возрастали. Например, в лагере № 525 в 1945 г. военнопленным было выдано 86 тыс. руб., в 1946 г. — 2 млн 600 тыс., в 1947 г. — 2 млн 400 тыс., в 1948 г. — 6 млн 600 тыс. руб.²⁴.

От убыточности лагерей к самоокупаемости

Средства, заработанные военнопленными, служили основным финансовым источником для поддержания жизнедеятельности лагерей. В целом по СССР за их счет к концу 1949 г. покрывалось 80% общих расходов на содержание лагерей²⁵. Однако фактически рентабельность лагерьной экономики была более высокой, нежели показывают официальные данные. Дело в том, что заработная плата, начисляемая военнопленным, обычно оказывалась меньшей, чем заработная плата, получаемая за тот же труд кадровыми работниками. При этом имели место занижения объемов выполненных работ и сопутствующие им обчеты со стороны хозяйственных органов, многократно выявлялись случаи присвоения денег, не учтенных отчетностью, лагерьной администрацией.

В первые месяцы функционирования сибирских лагерей большинство из них оказались нерентабельными, т.е. затраты на содержание превышали доходы. В лагере № 32 самоокупаемость вплоть до середины 1947 г. колебалась от 50 до 70%. Другие лагеря — № 34, № 199 получили прибыль от своей деятельности уже в первый год²⁶.

Со временем все учреждения ГУПВИ сокращали убыточность, а затем переходили в разряд рентабельных. К моменту расформирования накопления, передаваемые лагерями в доход государства, исчислялись

²³ См.: РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а, Д. 109. Л. 21; Д. 352. Л. 88; Оп. 17а. Д. 17. Л. 122.

²⁴ См.: РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 352. Л. 65.

²⁵ См.: Сидоров С.Г. Указ. соч. С. 400.

²⁶ См.: РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 76. Л. 63; Д. 109. Л. 20; Д. 170. Л. 18; Д. 352. Л. 79; Оп. 17а. Д. 4. Л. 48.

миллионами рублей. Прибыль от функционирования лагеря № 93 составила 2 млн руб., а лагеря № 199 — около 4 млн руб.²⁷.

Даже низкодходные лагеря вряд ли целесообразно считать неэффективными. Рентабельность лагеря № 7 выросла с 60% в 1946 г. всего лишь до 86% в 1949 г. Тем не менее, деятельность военнопленных никак не может быть занесена в пассив. При их активном участии в короткие сроки была построена железная дорога Тайшет — Братск протяженностью 326 км со всеми необходимыми службами, телефонной сетью, паровозным депо, вагоноремонтными мастерскими. Эти же люди заготовили в районах строительства большое количество древесины. Ее ежегодный вывоз отсюда составлял 200 тыс. куб. м²⁸. Такие результаты были достигнуты при минимуме средств, выделяемых на техническое и материальное обеспечение. Даже снабжение одеждой и обувью до середины 1947 г. осуществлялось в основном за счет трофейного японского обмундирования.

Большая часть лагерей для военнопленных и интернированных просуществовала до 1949 г. К этому времени со строек вывели значительную часть военнопленных. В СССР осталось немного лагерей, в которых содержались так называемые военные преступники. В Сибири на базе ликвидированного лагеря № 525 в Кемеровской области был сформирован единственный режимный лагерь под номером 464, который просуществовал всего лишь один год. Его обитатели направлялись на работу лишь в строительные тресты и управления.

Опыт и перспективы использования принудительного труда

Трудовое использование миллионов военнопленных и интернированных для решения социально-экономических задач послевоенного восстановления экономики составляло суть советской политики по отношению к ним. Длительное время многие из лагерей не могли достигнуть самоокупаемости. Правомерен вопрос: а следовало ли вообще завозить в СССР миллионы военнопленных и вовлекать их в хозяйственную жизнь? Ответ конечно же будет положительным. В условиях послевоенной разрухи, когда стояла задача возрождения городов и восстановления промышленности, стране, потерявшей в войне более 27 млн чел., требовались дополнительные трудовые ресурсы. Привлекая военнопленных для работы в промышленности и в строительстве, государство получало своеобразную репарацию трудом бывших вражеских военнослужащих за причиненные разрушения. В тяжелые послевоенные годы даже малопроизводительный труд невольников был востребован хозяйствующими субъектами. Он приближал решение стратегической задачи — восстановление в годы четвертой пятилетки экономики до предвоенного уровня.

В исследуемый период кроме военнопленных и интернированных на сибирских стройках использовались представители и иных «спецконтингентов»: заключенные и многочисленные категории спецпоселенцев.

²⁷ См.: РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 109. Л. 23; Д. 170. Л. 18.

²⁸ См.: РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 76. Л. 55, 65.

Их общая численность в конце 1940-х гг. составляла более 5 млн чел.²⁹. Эта огромная армия, преимущественно трудоспособного возраста, в плановом порядке включалась в общегосударственный баланс рабочей силы и использовалась во многих сферах экономики, включая строительство. Из сотен тысяч, направляемых в эту отрасль, лишь относительно небольшая часть использовалась в соответствии с имеющимися у них специальностями и профессиями. Большинство из заключенных и спецпоселенцев вообще не имело ни профессиональных знаний, ни производственного опыта работы в строительстве. Заниматься же им пришлось преимущественно тяжелым ручным трудом. Многие даже физически крепкие люди не были приспособлены к нему. Другие просто не могли производительно трудиться из-за своего слабого здоровья. Подавленное морально-психологическое состояние, отсутствие должных стимулов к труду также влияли на его низкую производительность, в результате чего *подневольный принудительный труд оказывался неэффективным*. По расчетам историков, производительность труда на стройках НКВД была ниже, чем на стройках гражданских наркоматов в среднем на 50%³⁰. Так же, как и лагеря ГУПВИ, лагеря для советских заключенных и спецпереселенцев в отдельные периоды не окупали всех затрат на их содержание.

* * *

В настоящее время в российской экономике продолжает использоваться труд заключенных. Он так же, как и труд военнопленных в 1940-х гг., не является свободным и не отличается высокой эффективностью, даже при наличии моральных и материальных стимулов. Но это не означает, что общество должно и может полностью отказаться от него. Уж если люди за что-то провинились и оказались в местах лишения свободы, то они своим трудом должны способствовать сокращению бюджетных затрат на их содержание, в т.ч. участвуя в сооружении объектов различного назначения.

²⁹ См.: История сталинского ГУЛАГа. М.: РОССПЭН, 2004. Т. 4. С. 37; Т. 5. С. 69, 90.

³⁰ См.: ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои. Франкфурт/Майн — Москва: Международное общество прав человека, 1999. С. 46.